

В. Р. Меерсон

*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя по кафедре уголовного права*

С. Ю. Мельников

*преподаватель кафедры оперативно-розыскной
деятельности факультета милиции
Могилевского института МВД*

**О НЕКОТОРЫХ ПРИЗНАКАХ СОСТАВОВ
ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
УЧРЕЖДЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ (ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

**ON SOME FEATURES OF DISORGANIZATION
OF THE FUNCTIONING OF THE ESTABLISHMENT
OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM (ACCORDING
TO THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN
FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS)**

***Аннотация.** Раскрываются отдельные аспекты, касающиеся субъективных и объективных признаков, содержащихся в статьях Уголовных кодексов Российской Федерации и Республики Беларусь, предусматривающих ответственность за дезорганизацию функционирования учреждения уголовно-исполнительной системы.*

***Ключевые слова:** дезорганизация деятельности исправительных учреждений, уголовное право, ст. 321 Уголовного кодекса Российской Федерации, ст. 410 Уголовного кодекса Республики Беларусь.*

***Annotation.** The article discloses Certain aspects regarding subjective and objective features contained in the articles of the Criminal Codes of the Russian Federation and the Republic of Belarus, providing for responsibility for the disorganization of the functioning of the institution of the penitentiary system.*

***Keywords:** disorganization of the activities of correctional institutions, criminal law, art. 321 of the Criminal Code of the Russian Federation, art. 410 of the Criminal Code of the Republic of Belarus.*

С учетом динамично развивающихся общественных отношений растет значение международного сотрудничества, в частности регионального, в различных важнейших областях. Среди таковых необходимо выделить процессы взаимодействия между Республикой Беларусь и Российской Федерацией по целому ряду причин. Продолжительная общность историко-культурных особенностей способствует неизбежному сотрудничеству обеих стран. Немаловажным аспектом является близость основополагающих ценностей и принципов, содержащихся в конституционном и программном законодательстве двух государств, в частности — стремление к построению правового государства. Республика Беларусь и Российская Федерация являются членами различных международных организаций — Содружество Независимых Государств, Союзное государство, Евразийский экономический союз и т. д., в рамках которых принимается ряд международно-правовых актов, в том числе и оказывающих влияние на национальное отраслевое законодательство.

Остро проблема унификации законодательства стран-партнеров прослеживается в части регламентации уголовно-правовых институтов, ряда статей Особенной части Уголовных кодексов. В контексте сравнительно-правового исследования стоит отметить различия в подходах по формулировке и законодательной конструкции такого преступления, как дезорганизация функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы (далее — УИС). Степень общественной опасности и распространенности данного преступления в двух странах достаточно велика. Альтернативные формы преступных действий по дезорганизации функционирования учреждений УИС отличаются по своему текстовому выражению в уголовных законодательствах Российской Федерации и Республики Беларусь (ст. 321 Уголовного кодекса (далее — УК) Российской Федерации и ст. 410 УК Республики Беларусь) [1; 2].

Несмотря на схожесть подходов в судебных разъяснениях отдельных ключевых понятий, в ст. 410 УК Республики Беларусь содержатся термины, более характерные первоначально установленному в советском уголовном законодательстве содержанию действий, дезорганизующих работу учреждений УИС [3]. Для понимания содержания термина «терроризирование» необходимо обратиться к постановлениям Пленума Верховного Суда СССР, касающимся судебной практики по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений (далее — ИТУ). В указанных постановлениях содержание понятия «терроризирование» раскрывается как насилие или угроза применения насилия со специфическими целью либо мотивом [4; 5]. В первых советских исследованиях, посвященных

уголовно-правовой характеристике дезорганизации функционирования исправительных учреждений (далее — ИУ), Г. И. Курбатова раскрывает содержание терроризирования как умышленное противоправное насильственное действие, направленное на воспрепятствование исправлению осужденных [6, л. 60]. Вместе с тем под насилием упомянутый ученый, исходя из имеющейся практики, понимает все возможные формы как физического (от причинения боли до убийства), так и психического насилия [6, л. 60–69; 7, с. 239–240; 8, с. 82].

Следует отметить, что термин «терроризирование» содержится лишь в части первой рассматриваемой статьи и больше не встречается в тексте УК Республики Беларусь. Данное обстоятельство, учитывая отсутствие каких бы то ни было современных разъяснений содержания указанной дефиниции, видится не совсем верным и требующим определенного решения. Также с учетом зарегистрированных данных, предоставленных Информационным центром МВД Республики Беларусь, о лицах, совершивших преступление, предусмотренное ст. 410 УК Республики Беларусь, с 2007 по 2021 год, необходимо обратить внимание, что во всех случаях терроризирование заключалось в применении насилия к потерпевшему (из которых абсолютное большинство выражалось в нанесении телесных повреждений различной степени тяжести).

Что касается субъективных признаков преступлений, предусмотренных в ст. 410 УК Республики Беларусь и ст. 321 УК Российской Федерации, то также стоит отметить некоторые различия в их формулировках и регламентации. Обязательными признаками субъективной стороны являются обозначенные национальными законодателями специфические цель и мотив. В отличие от белорусских формулировок, наряду с целью воспрепятствования исправлению осужденного в ч. 1 ст. 321 УК Российской Федерации, несколько иначе сформулирован обязательный мотив субъекта — из мести за оказанное осужденным содействие администрации учреждения или органа УИС. Понятие «содействие», как видится, более гармонично вписывается в сущность уголовно-исполнительных отношений, на которые осуществляется посягательство, в сравнении с более общеупотребимым словосочетанием «исполнение общественной обязанности», содержащимся в аналогичной белорусской статье. Это обусловлено прежде всего тем, что в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации отсутствует конкретизация единой группы критериев, позволяющих говорить о степени исправления осужденного, что имеет место в белорусском уголовно-исполнительном законодательстве [9; 10]. В то же время «содействие» администрации учреждения УИС может выражаться в: сообщении о нарушении требований

режима отбывания наказания другими осужденными; выполнении критериев, необходимых для положительной аттестации; отказе от участия в деятельности групп отрицательной направленности, основанных на специфической субкультуре и т. д.

Зачастую в судебной практике российских судов «содействие» рассматривается с позиций выполнения определенных функций, занятие определенного положения в структуре самодеятельных организаций осужденных [11]. Таким образом, чаще всего презюмируется особый мотив мести за оказываемое содействие. Исполнение общественной обязанности осужденным, исходя из буквального толкования текста белорусской статьи, коррелирует с критериями степени исправления и обуславливает выполнение соответствующей открытой общественно полезной деятельности. Поэтому позитивным является конкретизированный круг лиц подлежащих уголовно-правовой охране УК Российской Федерации, так как содействие администрации ИУ может также осуществляться и иным образом, а равно может и не входить в круг прямых общественных обязанностей. В то же время нельзя не отметить, что в ст. 321 УК Российской Федерации и в ст. 410 УК Республики Беларусь достаточно полно учтены все варианты противоправной мотивации в отношении к осужденным положительной направленности, а также содействующим администрации исправительного учреждения (исполняющим общественную обязанность). Это верное решение законодателя позволяет более гибко реагировать на возможные противоправные посяательства на указанную категорию лиц, так как в первоначальной редакции советской статьи, предусматривающей ответственность за дезорганизацию функционирования ИТУ, круг потерпевших прямо ограничивался только осужденными, ставшими на путь исправления.

В отношении субъекта преступления, предусмотренного ст. 321 УК Российской Федерации, существуют две основные позиции, кардинально различающиеся по критерию охвата лиц, которые могут являться субъектами совершения дезорганизации функционирования учреждений УИС. Ввиду отсутствия прямого указания в тексте закона на субъект анализируемого преступления возникают дискуссии по поводу отнесения его к общим субъектам. Исходя из исследуемой российской судебной практики за последние пять лет, абсолютное число приговоров свидетельствуют о привлечении к ответственности по данной статье исключительно осужденных (заключенных) [11]. Таким образом, устоявшаяся правоприменительная практика субъект рассматриваемого преступления расценивает как специальный. Из содержания ст. 410 УК Республики Беларусь усматривается, что субъект преступления специальный —

лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы или ареста. Указанная белорусским законодателем регламентация четко характеризует субъект действий, дезорганизуя функционирование УИС, и не дает возможности возникнуть двусмысленным толкованиям, что положительно влияет на разграничение и квалификацию указанного преступления.

В заключение необходимо подчеркнуть, что обоснованность использования термина «терроризирование» с учетом наличия в УК Республики Беларусь в ряде составов терминов «насилие», «угроза применения насилия», «насилие, не опасное для жизни и здоровья» и т. д., полностью тождественных характеру деяния, предусмотренного ст. 410 УК Республики Беларусь, вызывает закономерный вопрос. Учитывая позитивный опыт Российской Федерации, представляется целесообразным использовать содержащиеся в соответствующей российской статье дефиниции, характеризующие объективную сторону. Это позволит не только повысить эффективность борьбы с действиями, дезорганизуя функционирование ИУ, но и будет способствовать унификации уголовного законодательства двух государств в соответствующей сфере. Вместе с тем прямое указание на субъект рассматриваемого преступления является довольно позитивной особенностью белорусского уголовного законодательства, позволяющей исключить двоякое и пространное определение субъекта. Поэтому в процессе формирования унифицированной статьи для национальных УК следует придерживаться именно белорусского подхода.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 25.03.2022 г. // Консультант-Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

3. Уголовный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики. [Электронный ресурс] : 29 дек. 1960 г. : принят четвертой сессией Верхов. Совета БССР : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.10.2000 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

4. О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизирующие работу исправительно-трудовых учреждений [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда СССР, 3 дек. 1962 г., № 16 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022.

5. О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизирующие работу исправительно-трудовых учреждений [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда СССР, 21 июня 1985 г., № 10 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022.

6. Курбатова, Г. И. Ответственность за действия, дезорганизирующие работу исправительно-трудовых учреждений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Г. И. Курбатова. — Свердловск, 1967. — 328 л.

7. Меерсон, В. Р. Отдельные вопросы сравнительно-правового исследования действий, дезорганизирующих функционирование учреждения уголовно-исполнительной системы (по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации) / В. Р. Меерсон // Государственная служба и кадры. — 2021. — № 4. — С. 237–242.

8. Меерсон, В. Р. О квалифицирующих признаках действий, дезорганизирующих работу исправительных учреждений (по уголовному законодательству Республики Беларусь) / В. Р. Меерсон, С. Ю. Мельников // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. тр. / Могилев. ин-т МВД ; редкол.: В. В. Борисенко (пред.) [и др.]. — Могилев, 2021. — Вып. 9. — С. 80–85.

9. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

10. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 8 янв. 1997 г., № 1-ФЗ : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г. : одобр. Советом Федерации 25 дек. 1996 г. : в ред. Федер. закона от 11.06.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022.

11. Суды общей юрисдикции Российской Федерации [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/>. — Дата доступа: 11.06.2022.